

А. Катанский

**История попыток к
соединению церквей
греческой и латинской**

**В первые четыре века по их
разделении**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 291
ББК 86.3
А11

A11 **А. Катанский**
История попыток к соединению церковей греческой и латинской: В первые четыре века по их разделении / А. Катанский – М.: Книга по Требованию, 2014. – 250 с.

ISBN 978-5-458-55853-2

ISBN 978-5-458-55853-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Вопросъ о соединеніи церковей принадлежитъ къ числу тѣхъ вопросовъ, которые такъ медленно разясняются, что проходятъ цѣлые вѣка прежде, чѣмъ они хоть нѣсколько приблизятся къ своему рѣшенію или по крайней мѣрѣ вступятъ въ тотъ фазисъ развитія, который незамѣтнымъ образомъ приближаетъ ихъ къ окончанію. Не смотря на всю медленность своего развитія въ теченіи 8 вѣковъ этотъ вопросъ двинулся однако на столько, что въ настоящее время можно уже подмѣтить нѣсколько фазисовъ въ его развитіи. Именно, по нашему мнѣнію, онъ прошелъ два періода, и въ настоящее время для него наступаетъ третій. Изъ вопроса, рѣшаемаго официальнымъ путемъ правительствами и духовенствомъ той и другой стороны посредствомъ обоюдныхъ договоровъ словесныхъ и сдѣлокъ на бумагѣ, онъ превращается—около времени реформации съ паденіемъ греческой имперіи, съ умноженіемъ различныхъ орденовъ въ западной церкви, въ особенности съ появленіемъ іезуитскаго ордена и другихъ близкихъ

къ нему по духу, — въ вопросъ рѣшаемый въ средѣ народныхъ массъ средствами нравственными по преимуществу, и только въ рѣдкихъ случаяхъ официальными. Начинается довая, по большей части замаскированная пропаганда съ одной стороны, и глухая борьба народныхъ массъ — съ другой. Но такъ какъ ни официальные сдѣлани во время существованія греческой восточной имперіи, ни нравственное, хотя и весьма ловкое, насиліе въ средѣ новыхъ православныхъ народностей, по преимуществу славянскаго племени, не привели къ давно ожидаемому единенію церквей, то въ настоящее время къ рѣшенію этого вопроса хотять итти по иному совершенно новому пути. Вопросъ переходитъ въ область науки. За его рѣшеніе берется наука, надѣясь, что своимъ безпристрастіемъ она съумѣетъ умиротворить перковъ Христову, что она найдетъ чистую истину, которая привлечетъ къ себѣ всѣ христіанскія общества. На западѣ образуются даже общества, по преимуществу людей ученыхъ съ цѣлію примиренія вѣроисповѣданій. Наука о вѣроисповѣданіяхъ изъ полемическаго богословія превращается въ примирительное (ириническое) (1). Таково положеніе вопроса въ настоящее время, послѣ осьми вѣковъ со времени его появленія.

Мы избрали для своего очерка первые четыре вѣка, когда вопросъ только что появился и былъ въ первомъ періодѣ своего развитія, когда онъ рѣшался по пре-

(1) Увѣнчается ли эта новая попытка доставить церкви миръ желанный успѣхомъ, мы находимъ неумѣстнымъ разсуждать объ этомъ здѣсь, а отсылаемъ читателя къ нашей статьѣ, помѣщенной въ „Прав. Обзор.“ за 1865 г. янв. и февр. подъ загл. „Вопросъ о соединеніи церквей“, гдѣ читатель найдетъ и подробную характеристику различныхъ періодовъ развитія этого вопроса.

имуществу на православномъ греческомъ востоѣ и когда еще существовала греческая восточная имперія.

Прежде чѣмъ приступимъ къ изложенію самыхъ попытокъ къ соединенію церквей въ этотъ періодъ, постараемся сдѣлать коротенькій очеркъ обстоятельствъ, подготовившихъ окончательное распаденіе церквей въ XI вѣкѣ.

Обстоятельства, подготовившія раздѣленіе церквей, были двоякаго рода. Одни возникли на почвѣ давняго международнаго соперничества національностей греческой и латинской. На этой почвѣ, благодаря множеству благопріятствовавшихъ тому обстоятельствъ, сперва явилось соперничество между представителями восточной и западной церкви: константинопольскимъ патріархомъ и римскимъ папою, а потомъ непріязнь и между всѣмъ восточнымъ и западнымъ духовенствомъ, принявшимъ сторону своихъ представителей. Другаго рода причины скрывались въ различномъ направленіи церквей восточной и западной, въ слѣдствіе чего явились разности во взглядахъ, въ ученіи и въ учрежденіяхъ той и другой. Причины перваго рода нанесли ударъ искреннему, сердечному *единодушію*, а причины втораго рода — *единомыслію* въ отношеніяхъ между церквями.

1) Не придавая особенной первостепенной важности національнымъ предубѣжденіямъ и соперничеству, издавна существовавшимъ между греческимъ востокомъ и римскимъ западомъ, не считая ихъ прямыми причинами раздѣленія церквей, мы однакожь не можемъ пройти ихъ совершеннымъ молчаніемъ, такъ какъ эти не со всѣмъ пріязненныя чувства, какія питали греки ко всему римскому и на оборотъ римляне ко всему греческому, служили очень удобною почвою для того, чтобы

въ послѣдствіи при содѣйствіи многихъ другихъ важныхъ обстоятельствъ, на этой почвѣ глубоко пустили корни, развились, созрѣли и принесли свои плоды сѣмена церковнаго раздора. Еще за долго до Р. Хр. началось соперничество греческаго и латинскаго племени за господство и преобладаніе. Вышнее преобладаніе оставалось всегда на сторонѣ римлянъ, внутреннее—интеллектуальное на сторонѣ грековъ. Римляне смотрѣли на грековъ, какъ на подчиненныхъ себѣ, какъ на существа ниже себя, а греки на римлянъ, какъ на варваровъ и притѣснителей, какъ на грубую, необразованную силу (¹). На всемъ западѣ отъ Адриатическаго моря до океана чувствовалось господство и преобладаніе римскаго племени, на всемъ востокѣ отъ Адриатическаго моря до Евфрата и Инда—греческаго племени. Разность была во всемъ: и въ языкѣ и въ нравахъ, и въ цивилизаціи. И эту разность не могли сгладить всѣ усилія римскихъ императоровъ. Не смотря на всѣ усилія послѣднихъ сдѣлать римскій языкъ вездѣ господствующимъ, они никогда не могли достичь того, чтобы на востокѣ говорили полатинъ; большимъ уваженіемъ пользовался греческій языкъ на западѣ, но все-таки онъ никогда не могъ сдѣлаться господствующимъ,

(¹) Известный римскій способъ обращенія съ завоевываемыми странами и множество злоупотребленій въ римскомъ управленіи завоеванными уже провинціями—все это не могло конечно содѣйствовать сближенію, признанію двухъ народностей, побѣдителей и побѣжденныхъ. При завоеваніи Греціи, вѣками собранныя сокровища богатыхъ греческихъ городовъ и государствъ—Сиракузъ, Тирсита, Эпира, Македоніи, южной Греціи, Кипра, Пергама, Сиріи,—были вывезены въ Римъ и пошли на удовлетвореніе арміи, черни, сенаторовъ и полководцевъ. И въ послѣдующее время римляне не задумывались брать въ покоренныхъ странахъ все, что имъ вздумается и когда вздумается. Проконсулы, управлявшіе провинціями, поступали точно такимъ же образомъ.

встрѣчая себѣ сильную оппозицію въ римскихъ патриотахъ, подобныхъ Катону, ненавидѣвшему все греческое, начиная съ языка. Чувство взаимной антипатіи въ этихъ двухъ народностяхъ было слишкомъ сильно, національной гордости у того и другаго народа было также слишкомъ много для того, чтобы не допустить обѣ народности не только до сліянія въ одну, но и до простыхъ дружественныхъ отношеній другъ къ другу. Какъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, оба народа были несправедливы другъ къ другу. Греки, напр., не допускали ни одной хорошей мысли въ римской литературѣ, которая бы не была, по ихъ мнѣнію, заимствована у нихъ (¹). Римскіе поэты, ораторы, историки, каковы напр. Цицеронъ, Плавтъ, Вергилій, Ювеналъ, Плиній, Тацитъ съ своей стороны изощряли свое остроуміе въ насмѣшкахъ надъ греками.—Въ такомъ положеніи находились взаимныя отношенія между римскимъ западомъ и греческимъ востокомъ, когда совершилось весьма важное для международныхъ отношеній событіе: столица имперіи перенесена Константиномъ В. (325 г.) во вновь построенный имъ Константинополь. Это событіе не только не улучшило взаимныхъ отношеній между двумя главнѣйшими народностями тогдашняго міра, но еще способствовало болѣе широкому развитію непріязненныхъ чувствъ взаимнаго между ними соперничества. Съ перенесеніемъ столицы на греческій востокъ, послѣдній почувствовалъ себя наконецъ освобожденнымъ отъ такъ долго тяготѣвшаго надъ нимъ рабства и униженія; мало того онъ началъ сознавать себя господиномъ запада, хотя и не надолго. Скоро по смерти К. В. оконча-

(¹) Strabo Geogr. 3. Paris 1853.

тельно образовалась отдѣльная имперія на западѣ (395 г.); но и тогда у востока оставалось все-таки по крайней мѣрѣ сознание совершеннаго равенства съ римскимъ западомъ. Какъ всегда бываетъ съ людьми, долго терпѣвшими униженіе, это сознание дѣлалось нѣсколько преувеличеннымъ, ревниво охраняющимъ свои права, гордымъ. Константинополь сдѣлался для востока предметомъ гордости; съ этимъ городомъ греческій народъ навсегда соединилъ всѣ свои надежды и мечты (1). Константинополь, если можно такъ выразиться, сталъ большимъ мѣстомъ у грековъ, прикасаться къ которому особенно римскому западу было опасно. Римскому же западу было трудно отказаться отъ прежнихъ чувствъ пренебреженія, неуваженія къ востоку. Чувство зависти къ возраставшему могуществу Константинополя только усиливало прежнія его чувства къ грекамъ. На Константинополь Римъ началъ смотрѣть, какъ на ничтожное мѣстечко, обнаруживавшее однакожъ претензіи на одинаковое къ себѣ уваженіе наравнѣ съ нимъ, столицею міра, городомъ прославленнымъ во всемъ мірѣ. Слава и величіе Рима всегда были предметомъ самымъ близкимъ сердцу римлянъ, а теперь съ возвышеніемъ Константинополя — особенно, еще болѣе, чѣмъ прежде. Итакъ чувство соперничества между востокомъ и западомъ со времени основанія Константинополя усилилось. — Вскорѣ послѣ возвышенія Константинополя Римъ началъ клониться къ паденію. Чѣмъ слабѣе становился Римъ, чѣмъ болѣе трепеталъ онъ за свою славу, тѣмъ дороже ста-

(1) Отсюда рассказы древнихъ историковъ (Созом. 11, 3. Зонары 13, 3) о различныхъ чудесахъ, сопровождавшихъ основаніе Константинополя. Отсюда увѣренность въ вѣчномъ существованіи города, явившаяся у грековъ въ средніе вѣка въ слѣдствіе многочисленныхъ легендъ о его построеніи.

новилась для него послѣдняя и тѣмъ шире разрасталось у него чувство ревности къ своему сопернику. Римъ терпѣлъ крайнее униженіе въ войнахъ съ германскими племенами, нападавшими на имперію. Но верхомъ униженія для него было то, что онъ принужденъ былъ въ трудныхъ своихъ обстоятельствахъ искать помощи у своего соперника—Константинополя. А между тѣмъ востокъ самъ былъ слабъ, не смотря на свою гордость; онъ не могъ помочь западу. Онъ не въ состояніи былъ воспользоваться благоприятной минутой, чтобы доказать всему міру, что новый Римъ достоинъ стать наравнѣ съ древнимъ по своимъ доблестямъ и заставить чрезъ то западныхъ недоброжелателей относиться къ себѣ съ уваженіемъ и съ благодарностію. Мало того востокъ положительно вредилъ западу. Извѣстенъ фактъ: императоръ Зевонъ самъ указалъ варварамъ (Ость-Готамъ) на Италію, какъ на вѣрную добычу, которую дѣйствительно Ость-Готы и завоевали. Такія отношенія не могли, конечно, содѣйствовать искорененію старой неприязни между западомъ и востокомъ. Застарѣлое неуваженіе запада къ востоку должно было получить еще новую силу при доказанной самими событіями слабости восточной имперіи, при поразительномъ несоотвѣтствіи ея гордости и претензій съ ея силами. А недоброжелательство ея къ родственной ей западной имперіи естественно должно было сопровождаться, кромѣ потери уваженія, еще и положительными враждебными отношеніями запада къ востоку. Въ свою очередь и на востокъ не могли питать уваженія и сочувствія къ разрушившейся имперіи, къ слабымъ потомкамъ древнихъ римлянъ, которые однакожъ продолжали считать себя по прежнему первую націю въ мірѣ, хотя въ настоящемъ ничто не

давало имъ на то права. И такъ и бѣдственные для западной имперіи времена нисколько не сблизили востокъ и западъ. — Въ VI в. однакожъ обстоятельства разъ приняли такой оборотъ, что будь восточная имперія посильнѣе и повеликодушнѣе, взаимныя отношенія между обѣими сторонами могли бы значительно улучшиться. Побѣды Велизарія надъ призванными восточными же императорами въ Италію Остъ-Готами положили начало господству восточныхъ императоровъ въ Италиі. Изъ завоеванныхъ земель основанъ эгзархатъ въ видѣ одной изъ провинцій восточной имперіи. Восточные императоры не въ силахъ были, а кромѣ того и не хотѣли, быть можетъ, вполне возстановить западную имперію и тѣмъ заслужить себѣ благодарность и уваженіе западнаго міра. Кончилось тѣмъ, что господство грековъ въ Италиі еще разъ привело въ ближайшее столкновеніе двѣ, издавна не питавшія другъ къ другу симпатіи народности, и только дало Италиі случай взвѣсить сравнительную тяжесть ига греческаго и варварскихъ народовъ. Сравненіе оказалось далеко не въ пользу господства грековъ. Съ этихъ поръ взоры римскаго запада окончательно обратились на варварскіе народы; между ними стали искать Римъ себѣ покровителей и защитниковъ отъ другихъ народовъ и отъ господствовавшей въ то время анархіи. Такихъ защитниковъ Италія вскорѣ и нашла себѣ во Франкахъ и ихъ короляхъ. Такимъ образомъ можно сказать, что народная связь порвалась между востокомъ и западомъ еще ранѣе, чѣмъ религіозная, именно съ того времени, какъ въ силу историческихъ обстоятельствъ они выведены были изъ необходимости, не смотря на отсутствіе взаимнаго сочувствія, тяготѣть однакожъ другъ къ другу,

волею или неволею находиться въ ближайшихъ взаимныхъ отношеніяхъ,—съ тѣхъ поръ, какъ востокъ и западъ стали жить совершенно отдѣльною жизнію, имѣя свои надежды, отдѣльные центры тяготѣнія и пр. Конечно, всѣхъ этихъ обстоятельствъ еще было весьма недостаточно для того, чтобы произвести церковный разрывъ, но они могли служить важнымъ подготовительнымъ средствомъ къ его появленію; они способствовали политическому и нравственному разъединенію народныхъ массъ; они много содѣйствовали появленію и усиленію несогласій и раздоровъ въ средѣ іерархіи восточной и западной.

Антагонизмъ высшаго духовенства восточнаго и западнаго возникъ на почвѣ народнаго антагонизма. Замѣчательно, что раздоры между іерархіей востока и запада съ особенною силою заявляютъ себя со времени возвышенія Константинополя на степень новой столицы, новаго Рима (1). Давнее раздраженіе, существовавшее между востокомъ и западомъ, и неоднократно заявлявшее себя и прежде въ сферѣ церковныхъ отношеній (2),

(1) Правда и прежде не разъ возникали неудовольствія между востокъ и западомъ — именно по поводу празднованія Пасхи во II и III в. римскіе папы съ высокоцѣриемъ относились къ востoku (Викторъ I и Стефанъ III); восточные епископы (Иривей, Кипріанъ, Фирмилианъ и др.) и цѣлые соборы (Африкаискій и Каппадокійскій) жаловались на западную гордость. Но то были только зародыши будущаго антагонизма между іерархіею востока и запада. Евсев. ист. кн. V, гл. 24. Ист. патр. Доскѣ. кн. 1. гл. 16 и 17.

(2) Въ періодъ отъ построенія Константинополя до Халкидонскаго собора уже довольно явно обнаружилась — недостатокъ сочувствія и холодность въ отношеніяхъ запада къ востоку. Утомленные безконечными спорами и распрями по случаю аріанской ереси восточные отцы обратились за помощію къ западу, но встрѣтили тамъ такое безучастіе къ бѣдствіямъ востока, что Василій В. принужденъ былъ съ горечью жаловаться на западную гордость; тоже высказывали и другіе вост. отцы

наконецъ въ V в. выразилось въ ясныхъ положительныхъ формахъ, въ формахъ борьбы изъ-за взаимныхъ правъ римскаго папы и константинопольскаго патріарха, начавшейся со времени IV Халкидонскаго собора (451 г.). Непрїязненныя между ними отношенія, начавшіяся въ это время и продолжавшіяся до окончательнаго раздѣленія церквей въ XI в., отличались неодинаковымъ характеромъ въ первую и вторую половину этого періода. Въ первую половину (до VIII в.) они еще не достигли той степени напряженія, какую приобрѣли въ послѣднюю (VIII—XI в.), хотя и заявили себя ощутительнымъ образомъ.

Римскіе папы начинали уже довольно сильно стремиться въ первую половину этого періода къ главенству надъ всею церковію и потому не хотѣли никого признавать себѣ равнымъ. Константинопольскіе же епископы считали себя равными папѣ, уступая ему только право первенства.—Римскіе папы, надмѣнные величіемъ Рима, столицы міра, гордась далѣе тѣмъ, что они преемники первоверховнаго ап. Петра, не могли никакъ примириться съ мыслию, что кто нибудь могъ быть имъ равенъ. Обстоятельства благоприятствовали имъ укрѣпиться въ этой мысли. Еще когда были императоры на западѣ, они почти совершенно вышли изъ-подъ вліянія послѣднихъ, благодаря тому обстоятельству, что послѣдніе императоры жили большею частію въ Равеннѣ и Медиоланѣ; когда западная римская имперія пала и Римъ находился во власти или новыхъ германскихъ народовъ или восточнаго императора (съ VI в.), недостатокъ постоянной и прочной власти много способствовалъ неза-

бывшіе на II всел. соб. См. письм. 66 въ Тв. Св. Отц. X, 177—178. Theodoret. lib: 4. с. 8, 9.